

П.Н. Ардашев

**Переписка Цицерона, как
источник для истории Юлия
Цезаря от начала
столкновения последнего с
Сенатом до его смерти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

- П11 **П.Н. Ардашев**
Переписка Цицерона, как источник для истории Юлия Цезаря от начала столкновения последнего с Сенатом до его смерти / П.Н. Ардашев – М.: Книга по Требованию, 2016. – 504 с.

ISBN 978-5-458-11556-8

Материалы, собранные Павлом Ардашевым, по всей продолжительности переписки Цицерона для истории Юлия Цезаря.

ISBN 978-5-458-11556-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Характеристика переписки Цицерона какъ литературно-историческаго памятника.

*
* *

Школьное знакомство съ Цицерономъ у насъ такъ поставлено, что мы болѣе привыкли представлять его себѣ въ видѣ тома «тейбнеровской библіотеки», чѣмъ въ видѣ живой личности; съ его именемъ въ нашемъ представленіи гораздо ближе, по «ассоціаціи идей», стоитъ латинская стилистика, чѣмъ его историческая роль. О личности Цицерона мы знаемъ обыкновенно ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы посмѣяться надъ его любословіемъ, тщеславіемъ, трусостью и т. д. Что до исторической роли, то представленіе о ней у насъ обыкновенно исчерпывается тѣми сухими и отрывочными свѣдѣніями, которыя намъ сообщены были въ школѣ въ видѣ комментаріевъ къ одной—двумъ изъ его рѣчей. Разумѣется, что мы знаемъ также «изъ Иловайскаго» о подавленіи Цицерономъ катилинарнаго заговора и даже припомнимъ знаменитое когда-то, теперь опошленное и кажущееся потому болѣе забавнымъ, чѣмъ внушительнымъ, «quousque tandem.» Этимъ обыкновенно исчерпываются наши представленія о Цицеронѣ, личность котораго для насъ настолько же заслонилъ тейбнеровскій томъ, насколько стилистика—его историческую роль. А тутъ еще эти злополучныя *extemporalia*, всегда далекія отъ своего идеала, успѣли сдѣлать для насъ почти ненавистнымъ самое имя Цицерона, какъ синонимъ «мертвой латыни» и «классическаго» педантизма. Трудно найти другое историческое имя менѣе популярное среди нашего «образованнаго общества». Образованный человѣкъ, если онъ не спеціалистъ историкъ или филологъ,

считаетъ за особенное счастье ничего не знать о Цицеронѣ, кромѣ того, что онъ вынесъ изъ гимназіи, т.-е. что это всѣмъ классикамъ классикъ и, слѣдовательно, главный виновникъ всѣхъ стилистикъ, отравлявшихъ его существованіе въ теченіе гимназическаго курса. Попробуйте среди «образованныхъ людей» заговорить о Цицеронѣ, — вы вызовете лишь снисходительную улыбку и озадаченное пожатіе плечами: дескать, какъ это можно интересоваться подобнымъ вздоромъ, который и безъ того успѣлъ набить зубы за школьной скамьей... Не знаютъ, и потому не хотятъ знать. Это тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ болѣе въ порядкѣ вещей; ибо недостаточно быть невѣждой для того, чтобы жаждать знанія... Не наша вина, если школьное изученіе древности у насъ такъ поставлено, что, не давая настоящаго знанія, оно убиваетъ въ то же время и всякій интересъ къ нему...

А между тѣмъ, трудно найти во всей древности болѣе живую, болѣе многостороннюю и болѣе интересную личность, чѣмъ Цицеронъ, жизнь и дѣятельность котораго полны столько же глубокаго драматизма, сколько самаго захватывающаго историческаго интереса. Это была одна изъ тѣхъ живыхъ и богато одаренныхъ натуръ, которымъ удастся сохранить интеллектуальный интересъ и нравственную чуткость среди окружающей пошлости и нравственнаго огрубѣнія, и, что еще важнѣе, — сохранить молодое сердце и юношескую пылкость души до старческихъ лѣтъ. Рѣдкое и въ наше время, подобное явленіе представляется уже совсѣмъ исключительнымъ въ суровые вѣка отдаленнаго прошлаго. Цицеронъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей древности, знакомясь съ которыми мы чувствуемъ, что понимаемъ ихъ гораздо лучше, имѣемъ съ ними гораздо болѣе общаго — въ идеалахъ, воззрѣніяхъ, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ —, чѣмъ ихъ современники; ихъ точно по ошибкѣ забросила судьба въ суровые вѣка далекой древности, между тѣмъ какъ настоящее ихъ мѣсто — въ нашемъ вѣкѣ. Если вы хотите познакомиться съ этой интересной личностью, если вы хотите знать *живаго* Цицерона, ищите — и найдете его въ его перепискѣ, которую съ рѣдкою любезностью сохранила намъ судьба.

Читайте переписку Цицерона, — она откроетъ вамъ внутренній міръ этой живой, многосторонней, гуманной, богато одаренной личности. Вы найдете въ немъ много роднаго; вы увидите, какъ бли-

зокъ къ вамъ этотъ человѣкъ, отдѣленный отъ васъ пространствомъ девятнадцати вѣковъ. Вы подружитесь съ нимъ безъ вѣдома для васъ; вы невольно полюбите этого человѣка, не смотря на то, что будете имѣть много поводовъ на него сердиться, иногда даже негодовать; это, правда, помѣшаетъ ему сдѣлаться вашимъ героемъ, но не помѣшаетъ вамъ сдѣлаться его пріятелемъ.

I.

Но мы пишемъ не біографію и не характеристику Цицерона. Переписка его важна и интересна для насъ другой своей стороною, той, именно, стороною, значеніе которой хорошо умѣли оцѣнить уже его современники. Одинъ изъ нихъ, извѣстный біографъ Корнелій Непотъ, состоявшій въ личномъ знакомствѣ съ Цицерономъ ¹⁾ и написавшій хвалебную біографію его задушевнаго друга Аттика, говорить о письмахъ Цицерона къ послѣднему, что, прочитавши эти письма, нѣтъ уже надобности въ чтеніи «связной исторіи» (*historia contexta*): до такой степени полно раскрываютъ они современную исторію ²⁾. Въ этомъ отношеніи переписка Цицерона представляетъ собою, можно сказать, неисчерпаемый источникъ. Это настоящій кладъ для историка, кладъ настолько богатый, что трудно даже опредѣлить сразу размѣры его цѣнности, какъ трудно исчерпать его содержаніе. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ нельзя его считать ни исчерпаннымъ, ни вполне оцѣненнымъ.

Что касается первой задачи, то историки уже давно черпаютъ полною рукою изъ этого поистинѣ неизсякаемаго источника. Знаменитая въ свое время, нынѣ почти забытая, книга Middleton'a (*Life of Cicero* въ двухъ томъ, вышла въ половинѣ прошлаго столѣтія) обязана своимъ богатымъ и занимательнымъ содержаніемъ почти исключительно перепискѣ Цицерона. Въ болѣе близкое къ намъ время, извѣстный авторъ шеститомной «Исторіи Рима въ періодъ перехода отъ республики къ имперіи» (вышла въ тридцатыхъ го-

¹⁾ Переписка Цицерона съ Корн. Непотомъ не сохранилась, но мы имѣемъ цитаты изъ нея у Макробія, *Saturn.* II. 1. 14, Присциана, VIII. 4. 17., Светонія, *Saes.* 55. и Амміана Марцеллина XXI. 16. 13. ²⁾ *Corn. Nep. vita Att.* XVI.

дахъ), Друманнъ, не написалъ бы и половины, еслибы также не черпалъ полною рукою изъ того же богатаго источника. То же можно сказать о новѣйшемъ трудѣ Меривеля (*The fall of the Roman republic*, London 1859.). Возьмите, наконецъ, какое угодно изъ современныхъ сочиненій по римской исторіи — Дюрюи, Моммсена, Петера —, вездѣ вы найдете, что цѣлыя главы, касающіяся внутренней исторіи послѣднихъ лѣтъ римской республики, построены почти исключительно на томъ матерьялѣ, который даетъ переписка Цицерона, ибо иначе эти главы бы совершенно отсутствовали.

Наконецъ, въ послѣднее время этотъ замѣчательный и интересный памятникъ нашелъ себѣ достойнаго изслѣдователя въ лицѣ талантливаго французскаго ученаго Гастона Буасье, счастливымъ образомъ соединившаго въ себѣ французское остроуміе съ нѣмецкою добросовѣстностью, литературный талантъ съ эрудиціей специалиста. Благодаря этому рѣдкому соединенію двухъ въ отдѣльности вовсе нерѣдкихъ качествъ, г. Буасье является не только солиднымъ изслѣдователемъ, но и занимательнымъ популяризаторомъ.

Единственное изъ его сочиненій, переведенное на русскій языкъ, какъ разъ относится, именно, къ занимающему насъ предмету: это — «Цицеронъ и его друзья» (Москва, 1880 г., переводъ со 2-го изд.; первое изд. Paris 1865.). Этому сочиненію, представляющему блестящій образецъ того, какъ можно пользоваться такимъ матерьяломъ, какъ переписка Цицерона, мы отъ души желаемъ распространенія среди русской образованной публики, воспитанной на школьномъ «Цицеронѣ»; послѣдней знакомство съ нимъ доставить, быть можетъ, болѣе пользы, чѣмъ французамъ, для которыхъ оно писано, или нѣмцамъ, которые перевели его для себя, разумѣется, гораздо ранѣе насъ. Мы не говоримъ уже о томъ удовольствіи, которое составляетъ чтеніе этой живо и увлекательно написанной книги. Авторъ, разумѣется, счелъ бы долгомъ рекомендовать книгу г. Буасье своимъ читателямъ, еслибы не былъ увѣренъ, что она уже имъ знакома. Но само собою разумѣется, что послѣдняя также мало можетъ замѣнить непосредственное знакомство съ самой перепиской, какъ и предлагаемое сочиненіе, которое можетъ лишь служить комментариемъ къ ней, какъ сочиненіе г. Буасье — иллюстраціей. Необходимо самому читать переписку, чтобы получить представленіе о томъ высокомъ наслажденіи, которое заключается въ непосредственномъ

созерцаніи этой великой исторической сцены, которую открываетъ предъ нами переписка, позволяя намъ окинуть ее однимъ взглядомъ съ высоты девятнадцати вѣковъ. Она не только развертываетъ предъ нами эту сцену, не только приподнимаетъ скрывающій ее занавѣсъ; она, кромѣ того, приближаетъ ее къ намъ, или вѣрнѣе—насъ къ ней, приближаетъ на такое разстояніе, что заставляетъ насъ забыть о длинномъ рядѣ долгихъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ нея; заставляетъ насъ самихъ принимать участіе въ жизни тѣхъ историческихъ лицъ, въ кругъ которыхъ она насъ вводитъ, переживать вмѣстѣ съ ними тѣ великіе и мелкіе вопросы, которые ихъ занимаютъ; тѣ чувства и идеи, которыя ихъ воодушевляютъ; тѣ радости и печали, которыя ихъ волнуютъ... Читатель, знакомый съ исторіею этого времени лишь изъ систематическихъ руководствъ и приученный послѣдними держаться въ извѣстномъ почтительномъ отдаленіи отъ этихъ великихъ событій и великихъ людей, которые такъ поражали его своей грандіозностью и, такъ сказать, недоступностью, и очутившійся вдругъ въ ихъ кругу, лицомъ къ лицу съ этими Цезарями, Помпеями, Цицеронами, которые до сихъ поръ представлялись ему такими чуждыми и, если можно такъ выразиться, отвлеченными,—читатель, говорю я, невольно поддается тому опыняющему впечатлѣнію, о которомъ говоритъ Нибуръ, знавшій, быть можетъ, какъ никто другой, цѣну «этого дивнаго наслажденія — жить полною жизнью (*lebendig zu weben*) въ прекраснѣйшемъ прошедшемъ.» Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь прекрасныя слова г. Буассье, въ которыхъ онъ столько же кратко, сколько краснорѣчиво, формулируетъ историческое значеніе переписки Цицерона. Чтеніе ея, говоритъ онъ, «ставитъ насъ среди самаго разгара событій и даетъ намъ возможность слѣдить за ними день за днемъ. Не смотря на отдѣляющіе насъ отъ нихъ восемнадцать (?) вѣковъ, намъ кажется, что они происходятъ у насъ предъ глазами, причемъ наше положеніе имѣетъ еще ту исключительную выгоду, что эти событія находятся настолько близко отъ насъ, что мы можемъ видѣть ихъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и настолько далеко, что можемъ судить о нихъ безпристрастно.» ¹⁾

Никто до г. Буассье не освѣтилъ такъ глубоко значенія переписки Цицерона, какъ онъ сумѣлъ это сдѣлать въ сжатомъ очеркѣ,

¹⁾ По 1 фр. изд. р. 2.

который онъ предпосылаетъ своему сочиненію ¹⁾. И до него многіе и почтенные ученые занимались и по своему увлекались этимъ памятникомъ, принадлежащимъ столько же исторіи литературы, сколько исторіографіи. Переводили на родной языкъ, комментировали. Въ предисловіяхъ къ этимъ многочисленнымъ переводамъ и комментаріямъ всѣ они въ одинъ голосъ, хотя и на разные лады, говорятъ о важномъ историческомъ значеніи заинтересовавшаго ихъ памятника, но обыкновенно все дѣло ограничивается при этомъ нѣсколькими общими замѣчаніями и болѣе или менѣе краснорѣчивыми фразами, выражающими въ сущности одну и ту же мысль, именно, вышеприведенную мысль, высказанную еще Корн. Непотомъ. Собственно, это даже и не мысль, а скорѣе—впечатлѣніе, высказанное въ формѣ мысли. Г. Буассье первый попытался дать себѣ отчетъ въ этомъ впечатлѣніи. Онъ не только сдѣлалъ удачный опытъ воскресить по даннымъ перспіски личность Цицерона и нѣкоторыхъ изъ его друзей въ одинъ изъ самыхъ полныхъ захватывающаго интереса историческихъ моментовъ, но и попытался объяснить тѣ неотъемлемыя для историка свойства этого историческаго памятника, которыми онъ такъ блестяще сумѣлъ воспользоваться, не только какъ ученый, но и какъ истый художникъ. Онъ не только воспользовался этимъ богатымъ кладомъ для того, чтобы, по примѣру своихъ предшественниковъ, черпать изъ него полною рукою, но и захотѣлъ объяснить себѣ, какъ и откуда явился этотъ кладъ, и что за причины такого его богатства. Мы не будемъ здѣсь повторять тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ въ этомъ случаѣ г. Буассье, и которые, быть можетъ, уже знакомы нашимъ читателямъ. Въ слѣдующей главѣ мы попытаемся дополнить то, что болѣе или менѣе ускользнуло отъ вниманія г. Буассье, а также сдѣлать кое-какія оговорки по поводу нѣкоторыхъ его замѣчаній.

II.

Г. Буассье пишетъ подъ живымъ, не остывшимъ впечатлѣніемъ отъ чтенія перспіски Цицерона, а потому, естественно, впадаетъ въ преувеличенія и односторонность при оцѣнѣ историческаго значенія обворожившаго его памятника. Мы привели выше его слова не по-

¹⁾ Ib. p. 1—23.

тому, чтобы въ нихъ заключалась глубокая научная истина, а потому, что они вѣрно передаютъ то впечатлѣніе, которое производитъ на читателя «съ тонкимъ чувствомъ»—von hellem Kofte, какъ выражается Виландъ, ся чтеніе. Но будучи вполнѣ вѣрны какъ *впечатлѣніе*, слова эти не совсѣмъ точны какъ *мысль*. Невѣрность и односторонность этой мысли выступаетъ еще рельефнѣе въ связи съ предшествующими строками. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, мы находили здѣсь (въ перепискѣ) исторію болѣе живую и болѣе правдивую, нежели въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ спеціальною цѣлью—познакомить насъ съ нею. Чтѣ мы могли бы узнать больше отъ Азинія Полліона, Тита Ливія или Кремуція Корда, еслибы они до насъ сохранились? Они сообщили бы намъ свои личныя мнѣнія; но мнѣнія эти въ большинствѣ случаевъ подозрительны: они исходятъ отъ людей, которые не хотѣли или не могли говорить всю правду,—которые писали при императорскомъ дворѣ, какъ Титъ Ливій, или которые, подобно Полліону, надѣялись заслужить прощеніе за свою измѣну, говоря какъ можно болѣе дурнаго о тѣхъ, кому они измѣнили. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы принимать уже готовыя мнѣнія, лучше составить свое собственное, чтѣ дѣлаетъ для насъ возможнымъ чтеніе переписки Цицерона. Оно ставитъ насъ среди самаго разгара событій и т. д.» ¹⁾

Спору нѣтъ, что данная эпоха несравненно живѣе и въ извѣстномъ смыслѣ правдивѣе представляется въ перепискѣ Цицерона, чѣмъ въ позднѣйшихъ «систематическихъ исторіяхъ» (*historiae contextae*). Но правда ли то, что переписка Цицерона устраняетъ совершенно потребность въ другихъ, хотя бы и позднѣйшихъ, источникахъ, для знакомства съ исторіей данной эпохи? Правда ли то, что мы не должны сожалѣть объ утратѣ сочиненій Азинія Полліона и Тита Ливія? Правда ли то, что мы бы ничего не узнали изъ нихъ новаго, кромѣ ихъ личныхъ мнѣній? Правда ли, наконецъ, то, что одной переписки Цицерона достаточно для того, чтобы «составить себѣ собственное мнѣніе»?..

Для того, чтобы имѣть право утверждать первое, г. Буассье нужно было бы прежде доказать возможность конструировать исторію данной эпохи исключительно на основаніи того матерьяла, который

¹⁾ р. 2.

даетъ переписка. Въ невозможности этого убѣдился бы самъ г. Буасье, еслибы попытался написать исторію Рима—мы не говоримъ уже за всѣ тѣ 25 лѣтъ, которыя обнимаетъ собою переписка Цицерона (686—711)—, но хотя бы просто за одинъ единственный годъ, только на основаніи одной переписки! Дѣло въ томъ, что если, съ одной стороны, переписка подкупаетъ насъ свѣжестью и, такъ сказать, непосредственностью извѣстій, живостью событій, въ которыя она насъ вводитъ, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, она даетъ все-таки только обрывки, хотя бы и живыхъ, событій, обрывки которые срастаются въ одно живое тѣло только при помощи тѣхъ данныхъ, которыя мы почерпаемъ изъ другихъ источниковъ, т. е., главнымъ образомъ, изъ позднѣйшихъ историковъ, которые, къ тому же, имѣютъ для насъ несравненно меньшую цѣну, чѣмъ имѣли бы Титъ Ливій и Азиній Полліонъ, которыми мы, правда, и теперь пользуемся, но уже изъ вторыхъ рукъ; да и за то еще должны благодарить судьбу, что она сохранила для насъ эти, хотя и далеко менѣе цѣнные, но все-таки драгоцѣнные источники, и не оставила насъ съ одной перепиской Цицерона, которая, къ тому же, сама утратила бы тогда значительную долю того значенія, которое имѣетъ теперь, благодаря тѣмъ драгоцѣннымъ указаніямъ, которыя мы находимъ у этихъ такъ третируемыхъ г. Буасье историковъ,—указаніямъ, которыя помогаютъ намъ оріентироваться въ перепискѣ, помогаютъ привести въ порядокъ разрозненные данныя, соединить разбросанные осколки въ одно цѣлое, и, такимъ образомъ, уясняютъ многое, что иначе осталось бы для насъ темнымъ и непонятнымъ. Ниже мы увидимъ, что относительно многихъ историческихъ фактовъ, и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ фактовъ первостепенной важности, переписка даетъ или только отрывочныя и неясныя указанія, намеки, или даже и вовсе никакихъ указаній не даетъ. Объясняется это, какъ увидимъ, отчасти этой «обрывочностью» извѣстій, сообщаемыхъ перепиской; съ другой стороны, присутствіемъ болѣе или менѣе значительныхъ пробѣловъ въ ней, такъ что утвержденіе г. Буасье, что переписка «даетъ намъ возможность слѣдить за событіями *день за днемъ*», нуждается въ существенной оговоркѣ.

Наконецъ, изъ приведенныхъ словъ г. Буасье можно было бы заключить, что переписка передаетъ намъ историческіе факты вполнѣ

въ ихъ объективномъ видѣ, безъ всякой примѣси субъективнаго элемента, безъ того, что называется окраской, однимъ словомъ, что въ перепискѣ историку не приходится имѣть дѣла съ «личными мнѣніями», которыя г. Буасье считаетъ почему-то исключительною принадлежностью «систематическихъ сочиненій». Опять-таки эти неосторожныя слова слѣдуетъ приписать тому увлеченію, которымъ вообще характеризуется отношеніе нашего автора къ своему предмету. Ни же мы убѣдимся въ томъ, что историку, берущемуся за изученіе писемъ Цицерона, приходится выдерживать не меньшую борьбу съ «съ личными мнѣніями», чѣмъ въ «систематическихъ сочиненіяхъ». Если г. Буасье серьезно полагаетъ, что «собственное мнѣніе» гораздо легче составить по одной перепискѣ, не прибѣгая къ помощи другихъ источниковъ, то мы бы предложили ему составить такимъ путемъ «собственное мнѣніе», напримѣръ, о личности Цезаря. Мы не знаемъ, какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ г. Буасье; но, во всякомъ случаѣ, ему пришлось бы тогда выбирать одно изъ двухъ: или отдаться всецѣло своему источнику и усвоить себѣ то представленіе о личности Цезаря, какое проводится въ письмахъ Цицерона, другими словами, принять его воззрѣнія безъ всякой критики; или же отнестись критически къ послѣднимъ и попытаться составить себѣ болѣе самостоятельное представленіе. Но что бы сталъ дѣлать г. Буасье въ этомъ послѣднемъ случаѣ, еслибы не имѣлъ подъ собой болѣе или менѣе твердой почвы въ другихъ источникахъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ, въ позднѣйшихъ историкахъ, т.-е. еслибы онъ не имѣлъ другихъ данныхъ для провѣрки цicerоновскихъ воззрѣній и представленій, кромѣ данныхъ самой же переписки?... Въ такомъ случаѣ ему оставался бы одинъ единственный путь, скользкій путь догадокъ, субъективныхъ гипотезъ и комбинацій. Однимъ словомъ, въ результатъ получилось бы одно изъ двухъ: или прямо ложное, анти-историческое представленіе въ первомъ случаѣ, или гипотетическое, субъективное въ послѣднемъ. Только опираясь на провѣренныя критикой данныя всей совокупности источниковъ, можно было бы составить себѣ «собственное мнѣніе» о Цезарѣ, свободное въ большей или меньшей степени отъ субъективныхъ воззрѣній и болѣе или менѣе близкое къ исторической истинѣ.

Итакъ, очевидно, г. Буасье, съ одной стороны, преувеличиваетъ значеніе переписки Цицерона, какъ историческаго источника, съ дру-

гой—впадаетъ въ односторонность. Преувеличеніе заключается въ томъ, что, по его словамъ, переписка даетъ полную исторію современной эпохи; односторонность заключается въ томъ, что онъ противопоставляетъ ее позднѣйшимъ историкамъ, какъ источникъ несравненно болѣе цѣнный и дѣлающій какъ бы совсѣмъ излишними послѣднихъ. Кто дастъ себѣ трудъ, хотя поверхностно, ознакомиться съ предлагаемымъ сочиненіемъ, тотъ убѣдится въ односторонности подобнаго взгляда. Утверждать, что переписка можетъ замѣнить собою историковъ, такъ же непозволительно, какъ и обратное утвержденіе. Это такъ же странно, какъ утверждать, что для письма достаточно одного пера, и что оно можетъ замѣнить собою чернила, или наоборотъ. Въ томъ-то и дѣло, что, *какъ историческій источникъ, переписка Цицерона имѣетъ свою особую область значенія*, служитъ, такъ сказать, свою особую службу въ дѣлѣ исторической реконструкціи. Центръ тяжести ея историческаго значенія лежитъ совершенно въ другой сферѣ, нежели у другихъ источниковъ; сущность ея значенія заключается не въ конкуренціи, не въ борьбѣ за существованіе съ прочими историческими памятниками, а въ томъ взаимодействіи съ послѣдними, въ результатъ котораго только и является возможною историческая реконструкція данной эпохи: и та и другіе такъ же одинаково необходимы для послѣдней, какъ одинаково необходимы для картины краски и полотно. Дѣло вовсе не въ томъ, что переписка даетъ, такъ сказать, дневникъ событій, «день за днемъ», по выраженію г. Буассье,—что совершенно неправда; въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ историкамъ, которые собственно и даютъ фактическую канву исторіи, *historiam contextam*. Правда, что и въ этомъ отношеніи переписка даетъ цѣнные указанія, но, тѣмъ не менѣе, тутъ ея значеніе совершенно второстепенное; сущность же ея исторической цѣнности заключается въ томъ, что она освѣщаетъ намъ ту сторону современной исторіи, которую оставляютъ совершенно въ тѣни историки. Обыкновенно они подробно передаютъ внѣшнюю исторію, подробно рассказываютъ о сраженіяхъ, переговорахъ, триумфахъ, но мало интересуются внутреннею политическою жизнью данной минуты. Больше сравнительно можно найти въ этомъ отношеніи у Діона Кассія, отчасти у Аппіана; но, во первыхъ, сообщаемыя ими свѣдѣнія по этому предмету крайне недостаточны. Если они и занимаются этой стороной, то ровно настолько, насколько это необходимо для